

Изъ архивныхъ документовъ.

I. „Непригожія рѣчи“ о патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ (1630 г.).

Въ 1630 году, послѣ Дмитріевской субботы (26 октября) въ Ельцѣ былъ посаженъ въ тюрьму попъ Черной слободы Григорій. Онъ отбывалъ наказаніе за какую-то провинность по указу рязанскаго архіепископа Антонія. Находясь въ заключеніи, попъ Григорій, однако, не забывалъ своихъ пастырскихъ обязанностей и въ неудобной тюремной обстановкѣ служилъ заутреню, часы и молебенъ. При этомъ попъ Григорій поминалъ на эктеніяхъ „святѣйшаго патриарха московскаго и всея Русіи Филарета Никитича“. Къ окошку тюрьмы подошелъ боярскій сынъ Томило Толбузинъ, исполнявшій обязанности „десятильника“ при рязанскомъ архіепископѣ. Услышавъ возгласы попа Григорія, Толбузинъ, какъ архіерейскій чиновникъ, не могъ примириться съ такимъ умаленіемъ чести и власти своего владыки и набросился на узника съ бранью:

— Какъ ты, попъ, Бога молишь въ октеняхъ и въ богомольныхъ за патриарха, а не за архіепискупа? Останешь, попъ, скуфьи и головы (т.-е. безъ скуфьи и безъ головы)... Кто тебѣ указалъ Бога молить за патриарха?...

— Какъ мнѣ за великаго государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича Бога не молить?—возразилъ попъ-Григорій: я отъ него, государя, воскресъ. Онъ мнѣ далъ свѣтъ видѣть: вышелъ я изъ полону, и онъ, государь, меня поймалъ и кормилъ, и въ попы поставилъ безошлинно, и указалъ быть на Ельцѣ въ попѣхъ, въ Черной слободѣ. Радъ за него, великаго государя, Бога молить вѣкъ...

— Сидѣть тебѣ голомя (долгое время) въ тюрьмѣ—закончилъ споръ Томило Толбузинъ.

Этотъ разговоръ такъ и остался бы домашнимъ происшествіемъ, если бы одному изъ тюремныхъ сидѣльцевъ не пришло на мысль закричать за собой „государево слово“. На допросѣ въ сѣбѣжей избѣ по поводу этого оговора и рассказанъ былъ поступокъ попа Григорія, со ссылкой на свидѣтелей его столкновенія съ десятильникомъ. Воевода попытался было поставить попу Григорію въ вину, почему онъ, послѣ выхода изъ тюрьмы, побывалъ уже въ Рязани и въ Москвѣ, и, однако, нигдѣ о „непригодныхъ словахъ“ про патріарха Филарета не извѣщалъ. Попъ Григорій сослался на такое обстоятельство, которое слышано часто въ то время встрѣчалось въ отношеніяхъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ къ низшему духовенству: „боемъ отъ него, Томилы, надсаженъ, для того и не извѣщалъ“...

Когда результаты допроса сообщены были въ Москву, послѣдовала интересная резолюція. Всякое наказаніе боярскому сыну за его слова попу Григорію косвенно являлось внушеніемъ епархіальному архіерею, который нравственно и юридически отвѣчалъ за поступки своихъ агентовъ. Резолюція тонко обходитъ этотъ щекотливый пунктъ, и, оставляя незатронутой честь рязанскаго архіепископа, въ то же время, даетъ хорошій урокъ его ретивому десятильнику. „Указали государь и святѣйшій государь патріархъ отписать грамоту, что государю и святѣйшему государю патріарху то вѣдомо, что молятъ Бога во всѣхъ митрополіяхъ и архіепискупьяхъ за своихъ митрополитовъ и архіепискуповъ; а тотъ попъ, сидя въ тюрьмѣ, молилъ Бога за государя святѣйшаго патріарха и государскую святѣйшаго патріарха милость воспоминалъ, что его въ попы поставилъ и пошлинъ имать не велѣлъ; и десятильнику Томилу Толбузину за то бранить и унимать попу не за что, и того сына боярскаго за то посадить въ тюрьму на три дни“...

(Московск. Архивъ Минист. Юстиціи. Приказнаго стола столб. № 16, л.л. 514—520).

II. „Демонскіе лики“ въ Рязани (1671 г.).

31 марта 1671 г. въ Рязани у писчей явбы на стѣнѣ оказался пригвѣленнымъ листъ съ „демонскими ликами“, а подъ ними были написаны „неурстойныя и нелѣпыя слова“. На одной сторонѣ листа подъ тремя „личинами“ значались имена 3 подья-

чихъ: Авдѣйка Епихинъ, Артюшка Карповъ, Калистратка Суворовъ. На оборотѣ надъ одною личиною были слова: *царь, юсударь, царица*, а еще надъ двумя: *антихристъ*. Такъ какъ изба помѣщалась „въ торгу“, то листъ привлекъ къ себѣ вниманіе толпы и вызвалъ оживленные разговоры. Подьячіе, имена которыхъ оказались на листѣ, знали, что имъ прежде всего придется отвѣчать за непристойныя надписи, а потому сами бросились отыскивать виновника—„вора, составщика и поругателя“. Воевода въ Рязани въ это время умеръ, и разслѣдованіе перешло въ казенный приказъ рязанскаго митрополита, тѣмъ болѣе, что главнымъ зачинщикомъ всего дѣла оказался молодой подьячій духовныхъ дѣлъ Тимошей Внифантьевъ. Его братъ, Иванъ Внифантьевъ, былъ вліятельнымъ лицомъ въ казенномъ приказѣ. Онъ попытался было какъ-нибудь замѣять неприятную исторію. „Безъ очныхъ ставки братъ мой никакой сказки не дастъ“—заявилъ Иванъ казначею монаху Тарасію, начальнику казеннаго приказа. Рязанскій митрополитъ Иларіонъ въ ту пору находился въ Москвѣ, и сношенія съ нимъ изъ Рязани задержались вешней водой. Только 3 мая митрополитъ распорядился передать все дѣло изъ казеннаго приказа новому воеводѣ для розыска. А въ случаѣ укрывательства Тимошки Внифантьева митрополитъ далъ приказъ вмѣсто него „принять накрѣпко“ самого Ивана Внифантьева и отдать въ руки воеводы. Теперь пришлось Тимошкѣ повиниться въ своей продѣлкѣ... „Писалъ я на листу перомъ лица по обѣ стороны, — показавъ Тимошка передъ воеводой,—не умысломъ и не хитростью, съ малоумія. И въ тотъ листъ въ бумажкѣ завернувъ деньги, повесъ платить Входа-Іерусалимскому пошу Михаилу. И въ то время, какъ деньги принесъ, въ церкви поютъ обѣдню, и въ церкви деньги отдалъ попову сыну дьячку Ѳедоскѣ. А тотъ листъ взялъ у меня смотрѣть пушкаря Тимошкинъ сынъ Карцова малый Исачка. И вышедъ на паперть, при мнѣ и при дьячкѣ Ѳедоскѣ на томъ листу съ одну сторону подписалъ подъ тремя лица ямщика Авдюшкино имя Епихина да площадныхъ робятъ Артюшки Карпова да Калистратки Суворова, и подписавъ тотъ листъ повесъ къ робятамъ къ своей братьѣ. А я положилъ то впростѣ... И робята, межъ себя глумясь, положили тотъ листъ у писчей избы на окнѣ или будетъ прилѣпили. А на другой сторонѣ листа надъ парсунами никакого подписанія не было“...

„Робята“ на допросѣ подтвердили, что на оборотѣ дѣйствительно подписей не было. Затѣмъ этотъ листъ перешелъ въ руки племянника Авдюшки Епихина—Васьки Ульянова, который

спряталъ листъ въ свою коробью подъ замокъ. Но самъ Авдюшка, вѣроятно, былъ очень оскорбленъ насмѣшками толпы, читавшей его имя подъ „демонскимъ ликомъ“. Къ тому же, съ Тимошкой Внифатьевымъ у него была „старая недружба“. И вотъ онъ задумалъ жестоко отплатить за карикатуру. Въ свою лавку въ соляномъ ряду Епихинъ завелъ пришлого „дѣтину“, по имени—Авдюшку, и началъ съ нимъ такой разговоръ: „У меня учинился закладъ съ однимъ человѣкомъ. Я хвалилъ твою руку: письмо ты-де лучше пишешь. А товарищъ мой хвалилъ иного дѣтины письмо лучше“... Подзадоренный грамотей сейчасъ же сѣлъ и сталъ писать на бумагѣ „складъ“ (т. е. стихотвореніе): „Стоитъ градъ“... Но Авдюшка Епихинъ возразилъ: „Не о томъ у меня закладъ стоитъ“ — и показалъ на порожнемъ столбцѣ три слова написаны: царь, государь, царица. „Вотъ о чемъ у меня закладъ стоитъ“. Посадивъ дѣтину, Епихинъ завернулъ листъ въ неписанные столбцы и изъ своихъ рукъ положилъ къ нему на колѣни. Листъ былъ сложенъ такъ, что „парсонъ“ не было видно. Не ожидая злого умысла, дѣтина написалъ три слова и былъ въ полной увѣренности, что онъ пишетъ на чистой бумагѣ. Другія подписи были сдѣланы Каллистраткой Суворовымъ. Чтобы скрыть слѣды своей продѣлки, Епихинъ сталъ „ссылать съ города“ обманутаго имъ Авдюшку Ананьяна, дабы нельзя было „сыскать такой руки“... Въ тѣхъ же цѣляхъ Епихинъ сдѣлалъ „явки“ въ пригородныхъ слободахъ, а въ самой Рязани не объявилъ листа съ воровской и обманной подписью, между тѣмъ какъ на словахъ онъ о немъ распространялъ многимъ. Когда начались розыски, „дѣтина“ чистосердечно повинился и рассказалъ, какъ онъ по простотѣ вдался въ обманъ, „не чая воровского умысла отъ Епихина“. Остальные лица, замѣшанные въ исторію „демонскими ликами“, также передали подробно весь ходъ дѣла. Но Авдюшка Епихинъ былъ, видимо, человѣкъ очень изворотливый. Онъ сразу нашелъ какіе-то пути къ новому рязанскому воеводѣ князю Лаврентію Горчакову и расположилъ его въ свою пользу. Вопреки обычному порядку дознанія, воевода не далъ очной ставки Епихину съ „дѣтиной“, медлилъ сообщить о результатахъ допроса въ Москву и безъ указа государя отпустилъ всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ, посадивъ на съѣзжей избѣ въ оковахъ одного только „дѣтину“ Авдюшку, да въ подклѣтѣ „въ чепѣ“ „въ желѣзахъ держалъ еще Тимошку Внифатьева“.

Такъ какъ участію послѣдняго узника былъ заинтересованъ митрополитъ Иларіонъ, то онъ счелъ необходимымъ обратиться

съ особымъ письмомъ лично къ царю Алексѣю Михайловичу. Описавъ подозрительное поведеніе воеводы князя Горчакова при слѣдствіи, митрополитъ нашелъ возможнымъ прямо заключить: „и то знатно, что воевода съ ямщика (А. Епихина) взялъ взяткоу и хочетъ его очистить и ту вину положить на неповинныхъ“... Такое обвиненіе, исходившее изъ устъ высшаго духовнаго начальника, было слишкомъ серьезно и не могло остаться безъ вниманія. Изъ Москвы посланъ въ Рязань дворянинъ Лаврентій Денисовъ съ полномочіемъ произвести подробный сыскъ. Воевода кн. Горчаковъ свою медлительность въ дѣлѣ объяснилъ тѣмъ, что онъ „подлинно про то не розыскалъ и за иными многими приказными дѣлами“; послѣ разспроса и очныхъ ставокъ всѣ оговоренные были не на свободѣ, и за приставами и на порукахъ; „дѣтину“ Авдюшку велѣно было держать въ желѣзахъ для береженья, потому что онъ человекъ гулящій — вѣрить ему некому, а не для поноровки Авдюшки Епихина и своей корысти...

Только въ декабрѣ мѣсяцѣ состоялся приговоръ: ямщика Авдюшку Епихина за его воровство бить кнутомъ на козлѣ да у него-же отсѣчь лѣвую руку по запястье; дѣтину Авдюшку Ананьина и Калистратку Суворова также бить кнутомъ на козлѣ нещадно; Тимошку Внифантьева, пушкарскаго сына Исачка и другихъ участниковъ всей исторіи съ листомъ, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно и дать ихъ на поруки, чтобъ впредь имъ и инымъ такимъ воровствомъ не воровать; воровской листъ сжечь. „А князь Лаврентья Горчакова изъ Переславля Рязанскаго перемѣнить, а на его мѣсто послать иного, кого пригожъ“...

(Приказн. стола столб. № 420, л. л. 5—9, 14—16, 102—107).

Сообщ. С. Н. Введенскій.

